

ФАНТОМНЫЕ ГРАНИЦЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ПОЛЬШЕ: ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ 2024 ГОДА

Анна Романовна Лагно

Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Отдел истории Восточной Европы
после Второй мировой войны,
Институт славяноведения РАН
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: a.lagno@inslav.ru
ORCID: 0000-0001-6914-2312

Аннотация

Концепт фантомных границ акцентирует внимание на символических и воображаемых разграничениях, которые, несмотря на исчезновение их институциональных оснований, продолжают влиять на социальные практики, восприятие пространства и формирование идентичностей. Понятие, зародившееся в рамках междисциплинарных исследований и развиваемое главным образом географами и историками, балансирует между структуралистскими методологиями, подчеркивающими устойчивость социальных и культурных региональных структур, и деконструктивистскими взглядами, которые оспаривают эти предположения и акцентируют внимание на дискурсивной природе границ. В статье рассматривается, каким образом фантомные границы конструируются и воспроизводятся в политическом дискурсе современной Польши. Эмпирической базой исследования послужили выступления представителей двух крупнейших политических партий — «Гражданской платформы» (*Platforma Obywatelska*) и «Права и справедливости» (*Prawo i Sprawiedliwość*), прозвучавшие в ходе предвыборной кампании в местные органы самоуправления в 2024 г. Как показало проведенное исследование, в дискурсе представителей обеих партий фантомные границы проявляются и воспроизводятся через выстраивание дихотомий «мы — они», но с разными акцентами. ПИС последовательно подчеркивает различия между Востоком и Западом страны, тем самым невольно укрепляя образ Восточной Польши как отсталой и маргинализованной части государства. ГП, напротив, делает акцент на объединение, апеллируя к символам сотрудничества и комфорта. Тем не менее в обоих случаях образы прошлого и региональные различия становятся инструментом формирования политической идентичности и границ между «своими» и «чужими». Политики не просто навязывают образ региона, но и стремятся его воспроизводить через личное переживание и практики повседневности — что проявляется, в частности, в характере их взаимодействия с избирателями. Это наиболее отчетливо прослеживается в ходе местных выборов, где кандидаты глубоко вовлечены в жизнь региона своего выдвижения. Такая вовлеченность — не просто элемент предвыборной стратегии, но и реальная повседневная практика, через которую они в том числе участвуют в конструировании фантомных границ.

Ключевые слова

Органы местного самоуправления, выборы в Польше, исследования границ, «польско-польская война», «Право и справедливость», Ярослав Качиньский, «Гражданская платформа», Дональд Туск, критический дискурс-анализ, разделы Речи Посполитой

Благодарности

Я хотела бы выразить благодарность Маргарите Сауловне Фабрикант за содержательное обсуждение и ценные замечания, которые способствовали существенному улучшению исследования.

Статья поступила в редакцию 15 июня 2025 г.

Статья доработана автором 20 ноября 2025 г.

Статья принята в печать 30 ноября 2025 г.

Цитирование: *Лагно А. Р.* Фантомные границы и политический дискурс в Польше: избирательная кампания 2024 года // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2025. Т. 20. № 3–4. С. 79–111. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.3-4.04>

PHANTOM BORDERS AND POLITICAL DISCOURSE IN POLAND: THE 2024 ELECTION CAMPAIGN

Anna R. Lagno

Ph. D., Senior Research Fellow,
Department of History of Eastern Europe
after World War Two,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: a.lagno@inslav.ru
ORCID: 0000-0001-6914-2312

Abstract

The concept of phantom borders draws attention to symbolic and imagined divisions that, despite the disappearance of their institutional foundations, continue to influence social practices, spatial perception, and identity formation. Originating in interdisciplinary research and primarily developed by geographers and historians, the notion balances between structuralist methodologies, which emphasise the persistence of social and cultural regional structures, and deconstructionist perspectives that challenge these assumptions and focus on the discursive nature of borders. This article examines how phantom borders are constructed and reproduced in the political discourse of contemporary Poland. The empirical basis of the study consists of speeches by representatives of the two major political parties — Civic Platform and Law and Justice — delivered during the 2024 local election campaign. The analysis reveals that in the discourse of both parties, phantom borders are manifested and reinforced through the construction of “us” vs. “them” dichotomies, albeit with different emphases. Law and Justice party consistently highlights the divide between the East and West of the country, thereby unintentionally reinforcing the image of Eastern Poland as backward and marginalised. Civic Platform, by contrast, emphasises unity, invoking symbols of cooperation and comfort. In both cases, however, representations of the past and regional distinctions serve as tools for constructing political identity and symbolic boundaries between members of the in-group and the out-group. Politicians not only impose images of regions but also seek to reproduce them through personal experience and everyday practices — a tendency particularly evident in their interactions with voters. This is especially noticeable during local elections, where candidates are often deeply embedded in the regions they represent. Such involvement is not merely an element of electoral strategy but also a genuine everyday practice through which they participate in the construction of phantom borders.

Keywords

Local self-government, elections in Poland, border studies, “Polish-Polish war”, “Law and Justice”, Jarosław Kaczyński, “Civic Platform”, Donald Tusk, critical discourse analysis, Partitions of Poland

Acknowledgments

I would like to thank Marharyta Fabrykant for the insightful discussion and valuable comments that significantly enhanced this study.

Received 15 June 2025

Revised 20 November 2025

Accepted 30 November 2025

For citation: Lagno, A. R., 2025. Phantom Borders and Political Discourse in Poland: The 2024 Election Campaign. *Slavic World in the Third Millennium*, 20 (3–4), pp. 79–111. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.3-4.04>

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении многих лет границы рассматривались как естественные, статичные сущности с четко заданными физическими характеристиками. Однако с 1990-х гг. исследователи стали уделять больше внимания процессу создания границ: «Онтологический вопрос о том, что такое граница, постепенно уступил место вопросу о том, *каким образом* происходит [ее] социальное конструирование»¹. В результате границы стали восприниматься как проявления социальных практик и дискурсов, а исследовательский фокус переместился с границы как объекта на сам процесс ее формирования².

В странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы границы давно исчезнувших государств продолжают формировать пространство и оставляют след в различных сферах — от политического поведения и организации быта до уровня преступности, плотности железнодорожных сетей, архитектуры, культурных привычек и исторической памяти³. Для анализа

¹ *Sendhardt B.* Border Types and Bordering Processes: A Theoretical Approach to the EU/Polish-Ukrainian Border as a Multi-dimensional Phenomenon // *Borders and Border Regions in Europe: Changes, Challenges and Chances* / ed. A. Lechevalier, J. Wielgoths. Bielefeld: Transcript Verlag, 2013. P. 25.

² *Zhurzhenko T.* Between the ‘Opening to the West’ and the Trauma of Rebordering Towards a Genealogy of Post-Soviet Border Studies // *Post-Soviet Borders: A Kaleidoscope of Shifting Lives and Lands* / ed. B. Eschment, S. Von Löwis. London: Routledge, 2022. P. 32–50; *Mishkova D., Trencsényi B.* Introduction // *European Regions and Boundaries: A Conceptual History*. New York: Berghahn Books, 2017. P. 1–12; *Newman D.* Borders and Bordering: Towards an Interdisciplinary Dialogue // *European Journal of Social Theory*. 2006. Vol. 9. № 2. P. 171–186; *Idem.* The lines that continue to separate us: borders in our ‘borderless’ world // *Progress in Human Geography*. 2006. Vol. 30. № 2. P. 143–161.

³ *Gajdek A., Porczyński D.* Trwanie granic rozbiorowych w praktykach, kolekcjach i krajozbrazie // *Politeja*. 2019. № 1(58). P. 311–339; *Urbatsch R.* Long-term effects of ethnic cleansing in the former Polish-German borderlands // *Political Geography*. 2017. Vol. 58. P. 56–66;

этого феномена Беатрис фон Хиршхаузен ввела концепт фантомных границ. На базовом, описательном уровне он обозначает бывшие, преимущественно политические или административные границы, которые, несмотря на их официальную отмену, продолжают структурировать пространство⁴. Эти границы не просто остаются в истории, но «как живые фантомы <...> продолжают преследовать современные общества»⁵.

Реальные различия между регионами (социально-экономические, географические или культурные) часто сопровождаются стереотипными представлениями о них. Границы формируются не только объективными факторами, но и через противопоставление «мы — они», которое нередко окрашено эмоциями и воображением⁶. Например, политики могут использовать региональную идентичность и исторические нарративы как стратегию мобилизации поддержки, акцентируя внимание на прошлом, настоящем и возможном будущем региона. Это, в свою очередь, способствует воспроизводству фантомных границ или фантомных пространств⁷ в дискурсе. Особенно часто такую стратегию применяют консервативные и право-популистские партии, которые делают упор на сохранение культурных традиций, апеллируют к прошлому и значимым историческим личностям⁸. В этом контексте показателен пример Польши — как в силу ее непростого пути к независимости после разделов Речи Посполитой в XVIII в. и значительных изменений границ после Второй мировой войны, когда она утратила восточные территории и получила взамен бывшие немецкие земли на западе, так и из-за специфической политической ситуации последних двух десятилетий, получившей название «польско-польская война»⁹.

Von Löwis S. Phantom borders and ambivalent spaces of identification in Ukraine // *L'Espace géographique*. 2017. Vol. 46. № 2. P. 126–142; *Jaińczak J.* Phantom borders and electoral behavior in Poland historical legacies, political culture and their influence on contemporary politics // *Erdkunde*. 2015. Vol. 69. № 2. P. 125–137; *Šimon M.* Measuring phantom borders: the case of Czech/Czechoslovakian electoral geography // *Erdkunde*. 2015. Vol. 69. № 2. P. 139–150; и др.

⁴ *Von Hirschhausen B.* Phantom Borders // *Critical Dictionary on Borders, Cross-Border Cooperation and European Integration*. Bruxelles; Bern; Berlin; New York; Oxford; Wien: Peter Lang, 2020. Vol. 1. P. 642.

⁵ *Von Hirschhausen B., Grandits H., Kraft C., Müller D., Serrier T.* Phantom Borders in Eastern Europe. A New Concept for Regional Research // *Slavic Review*. 2019. Vol. 78. Iss. 2. P. 368.

⁶ Об идентичности и противопоставлении «я» и «другой» см.: *Нойманн И.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004.

⁷ Термины «фантомные границы» и «фантомные пространства» используются в качестве синонимов. Подробнее см.: *Von Hirschhausen B.* The lessons of phantom borders: The vestiges of the past come (also) from the future // *L'Espace géographique*. 2017. Vol. 46. № 2. P. 97–105.

⁸ *Góra M., Zielińska K.* The role of religion in sovereignist narratives of European integration: symbolic thickening and identity marking // *East European Politics*. 2024. Vol. 40. № 2. P. 197–218.

⁹ Подробнее о польско-польской войне см.: *Лагно А. Р., Михайлова О. В.* «Польско-польская война»: причины и последствия для политической системы // *Мировая эконо-*

Фантомные границы в Польше отчетливо проявляются в электоральном поведении, причем на всех уровнях — президентских, парламентских и местных выборах (Рис. 1). Эта устойчивая тенденция интерпретируется как следствие исторических изменений границ, в результате которых различное историческое наследие способствовало формированию и укоренению разных типов социально-политической культуры в четырех фантомных пространствах:

1. «Западные территории» (бывшие немецкие земли до 1945 г.),
2. Великая Польша (принадлежала Пруссии до 1914 г.),
3. Галиция (принадлежала Австрии до 1914 г.),
4. Царство Польское (принадлежала России до 1914 г.)¹⁰.

Как можно объяснить такую пространственную закономерность? Этот вопрос подводит нас к важной дилемме, которую сформулировали Чарльз Пэтти и Рон Джонстон: обусловлены ли поведение, мышление и действия индивидов преимущественно их социальными характеристиками (так называемые композиционные эффекты — принадлежность к определенным группам, возраст, уровень образования и т. д.), или же решающую роль играет контекст — среда, в которой они живут, повседневные взаимодействия, визуальные образы и опыт, формирующие их восприятие мира (контекстуальные эффекты)¹¹? Продолжая эту логику, Сабин фон Левис отмечает, что при изучении фантомных границ контекст играет важную роль и в фокусе внимания исследователя должны быть механизмы формирования исторических нарративов, в том числе способы, с помощью которых политические акторы используют образы прошлого для мобилизации электората и закрепления пространственных границ идентичности¹².

В данном исследовании на примере Польши рассматривается, каким образом фантомные границы проявляются в политическом дискурсе и как акторы конструируют их, стремясь повлиять на свой электорат. В качестве предмета исследования была выбрана избирательная кампания в органы местного самоуправления 2024 г.

Структура работы выстроена следующим образом. В первой части представлен обзор литературы и изложена теоретическая рамка анализа фантом

мика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 2. С. 42–52; *Wielgosz Ł. Wojna Polsko-Polska: Zarządzanie oligopolem politycznym przez Platformę Obywatelską oraz Prawo i Sprawiedliwość w latach 2001–2015*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2019; *Лыкошина Л. С. «Польско-польская война»: Политическая жизнь современной Польши*. М.: ИНИОН РАН, 2015.

¹⁰ *Pospichal M. Polska A, B i C? Volební geografie vybraných polských vojvodství // Středoevropské politické studie*. 2017. Vol. 19. № 3–4. P. 264–318; *Jańczak J. Phantom borders...; Zarycki T. The electoral geography of Poland: between stable spatial structures and their changing interpretations // Erdkunde*. 2015. Vol. 69. № 2. P. 107–124.

¹¹ *Pattie C., Johnston R. Electoral Geography // International Encyclopedia of Human Geography / ed. R. Kitchin, N. Thrift. Oxford: Elsevier, 2009. P. 405.*

¹² *Von Löwis S. Phantom borders in the political geography of East Central Europe: an introduction // Erdkunde*. 2015. Vol. 69. № 2. P. 101.

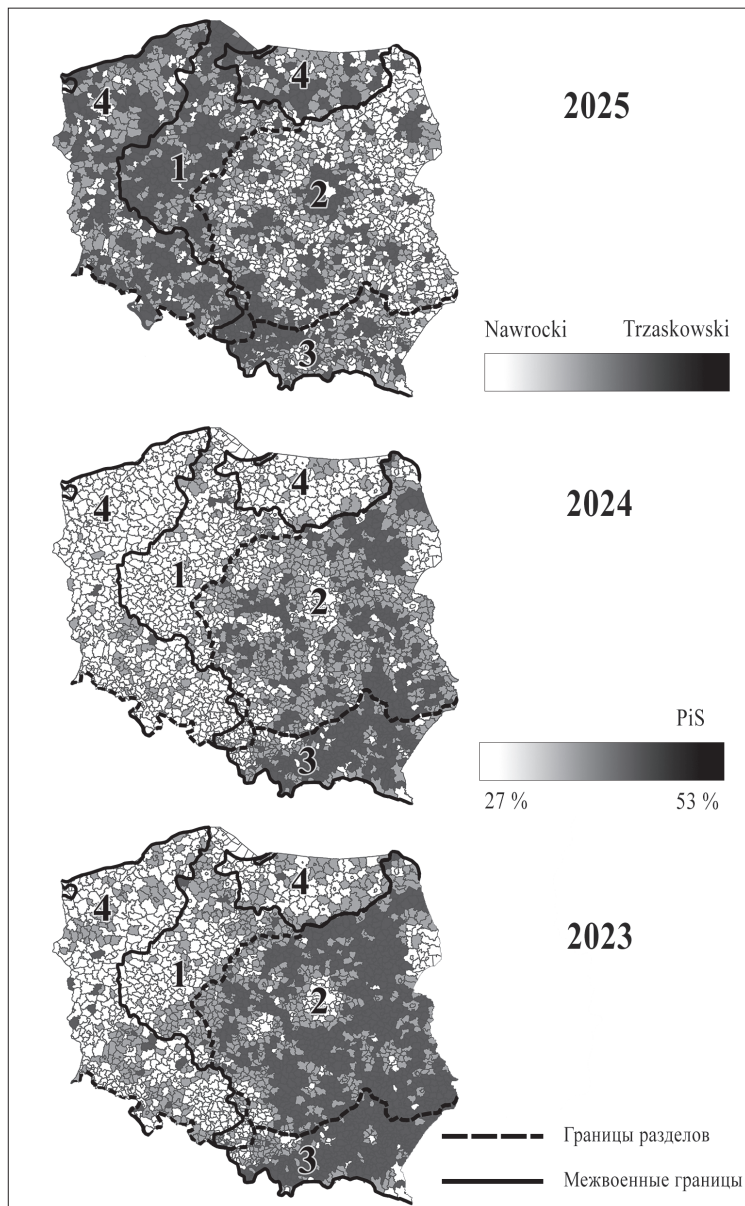

Рис. 1. Исторические границы и выборы в Польше (парламентские 2023, выборы в сеймики воеводств 2024, президентские 2025)¹³

¹³ Источники данных: Państwowa Komisja Wyborcza. URL: <https://pkw.gov.pl/>; CShapes 2.0 maps: International Conflict Research (ICR) group, ETH Zurich. URL: <https://icr.ethz.ch/data/cshapes/> (дата обращения: 17.12.2025).

ных границ, основанная на триаде Анри Лефевра. Во второй части описаны использованные источники и методология исследования. Третья часть посвящена анализу дискурсов фантомных границ с акцентом на межпартийные и межрегиональные различия. В заключении подводятся итоги сравнительного анализа фантомных пространств и дискурсивных стратегий двух ведущих польских партий — «Гражданской платформы» (*Platforma Obywatelska*, далее — ОП) и «Права и справедливости» (*Prawo i Sprawiedliwość*, далее — ПИС), а также обсуждаются более широкие импликации этого феномена в контексте региональных и идеологических расколов.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАМКА И ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Концепт фантомных границ был предложен группой ученых в рамках междисциплинарного проекта «Фантомные границы в Восточно-Центральной Европе»¹⁴ (2011–2017), реализованного под руководством Б. фон Хиршхаузен. В ходе работы было подготовлено значительное число статей, а также книг, вышедших в свет в серии *Phantomgrenzen im östlichen Europa* («Фантомные границы в Восточной Европе») ¹⁵. Коллективная статья, опубликованная в 2019 г. в журнале *Slavic Review*¹⁶, стала важным этапом в разработке концепта фантомных границ: авторы не только уточнили его содержание и исследовательскую ценность, но и призвали ученых применять новые подходы к изучению региональных различий.

Исследователи фантомных границ предлагают рассматривать регионы не как фиксированные и неизменные образования, а как «нестабильные и гибридные конструкции»¹⁷, возникающие на пересечении их материального

¹⁴ Страница проекта в интернете: <https://cmb.hu-berlin.de/phantomgrenzen.eu/index.html> (дата обращения: 04.06.2025). Хотя проект по исследованию фантомных границ уже завершен, тем не менее фон Хиршхаузен продолжает работать над этой темой: *Von Hirschhausen B.* Les provinces du temps: frontières fantômes et expériences de l'histoire. Paris: CNRS éditions, 2023.

¹⁵ *Phantomgrenzen. Räume und Akteure in der Zeit neu denken* / hrsg. von B. von Hirschhausen, H. Grandits, C. Kraft, D. Müller, T. Serrier. Göttingen: Wallstein, 2015; *Europa vertikal. Zur Ost-West-Gliederung im 19. und 20. Jahrhundert* / hrsg. von R. Aldenhoff-Hübinger, C. Gousseff, T. Serrier. Göttingen: Wallstein, 2016; *Tomić D.* Phantomgrenzen und regionale Autonomie im postsozialistischen Südosteuropa. Die Vojvodina und das Banat im Vergleich. Göttingen: Wallstein, 2016; *Esch M. G.* Die Stadt als Spielfeld. Raumbegriffe, Raumnutzungen, Raumdeutungen polnischer Hooligans. Göttingen: Wallstein, 2016; *Wahrnehmen, Erfahren, Gestalten: Phantomgrenzen und soziale Raumproduktion* / hrsg. von M.G. Esch, B. von Hirschhausen, S. Beer. Göttingen: Wallstein, 2017; *Fragmentierte Republik? Das Politische Erbe der Teilungszeit in Polen 1918–1939* / hrsg. von M.G. Müller, K. Struve. Göttingen: Wallstein, 2017; *Von Löwis S.* Das Phantom der alten Grenze am Zbruč. Kontinuitäten und Brüche Sozialräumlicher Strukturen in der Westukraine. Göttingen: Wallstein, 2019; *Umstrittene Räume in der Ukraine. Politische Diskurse, literarische Repräsentationen und kartographische Visualisierungen* / hrsg. von S. von Löwis. Göttingen: Wallstein, 2019.

¹⁶ *Von Hirschhausen B., Grandits H., Kraft C., Müller D., Serrier T.* Phantom Borders in Eastern Europe...

¹⁷ *Ibid.* P. 387.

воплощения и социальных представлений о них. Их цель — не закрепить некую «истинную» картину пространства, а, напротив, уловить его изменчивость в разные исторические периоды. Они критикуют как структуралистские, так и постструктуралистские подходы за то, что те уделяют недостаточно внимания самому процессу формирования геокультурных различий. Вместо продуктивного взаимодействия эти подходы чаще противопоставляют себя друг другу, что нередко приводит к взаимному исключению и затрудняет развитие теоретической мысли. Основная сложность, как теоретическая, так и эмпирическая, заключается в том, чтобы не способствовать повторному «овеществлению» фантомных границ, а, напротив, выработать аналитический взгляд, способный выявлять механизмы их конструирования в широком социальном поле — за пределами одного лишь уровня дискурсивного производства. Ни структурализм, с его акцентом на кумулятивные процессы, в которых субъекты лишь пассивны, ни деконструктивизм, сосредоточенный на власти гегемонистских дискурсов, не позволяют в полной мере осмыслить сложную природу геокультурных различий и способов их воспроизводства¹⁸. С целью преодоления этих ограничений исследователи фантомных границ обращаются к идеям философа и социолога А. Лефевра, которые были изложены в его книге «Производство пространства», опубликованной в 1974 г. на французском языке¹⁹.

Согласно Лефевру, пространство — это не заранее данная сущность, возникшая до появления человека, а нечто формирующееся в процессе человеческой деятельности, это динамичная и изменчивая система. Каждое общество создает свое уникальное пространство, которое следует изучать как единство, формирующееся одновременно на трех уровнях:

- 1) *пространственной практики* — каждое общество формирует собственное пространство через повседневные практики; оно создает его, осваивает и подчиняет;
- 2) *репрезентации пространства* — это спроектированное пространство ученых, архитекторов и технократов, выражающее доминирующее представление о пространстве в обществе, оно основано на интеллектуальных схемах, знаках и концептах, часто оторванных от живого восприятия;
- 3) *пространства репрезентации* — это переживаемое пространство повседневной жизни, наполненное образами, символами и личным восприятием; это пространство подчиненное, но в то же время изменяемое воображением его «жителей» или «пользователей»²⁰; оно объединяет то, что существует на самом деле, с тем, что люди пред-

¹⁸ Von Hirschhausen B. The heuristic interest of the concept of “phantom borders” in the understanding of cultural regionalization // *L'Espace géographique*. 2017. Vol. 46. № 2. P. 106.

¹⁹ Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015.

²⁰ Там же. С. 51–52.

ставляют или чувствуют. В этом пространстве проявляются отношения власти, подчинения и сопротивления²¹.

Авторы концепта фантомных границ подчеркивают, что, в отличие от Лефевра, не проводят различия между доминирующими и подчиненными группами, поскольку считают, что все уровни общества «представляют», «проектируют» и «формируют» пространство²². Они адаптируют три аналитических уровня Лефевра, вводя новые определения для более точного отражения их функций в контексте исследования фантомных границ (см. табл. 1).

Таблица 1

Соотношение уровней пространства у Анри Лефевра и авторов концепта фантомных границ

Лефевр	Фон Хиршхаузен и др.	Краткое описание
Пространственные практики (<i>Spatial practice</i>)	Воображение пространства (<i>The Imagination of Space</i>)	Рутинa, привычки, маршруты; это то, как люди используют пространство каждый день
Репрезентации пространства (<i>Representations of space</i>)	Формирование пространства (<i>Shaping of space</i>)	Пространство, создаваемое и воображаемое политическими акторами, архитекторами, учеными и другими профессионалами
Пространства репрезентации (<i>Representational spaces</i>)	Пространственный опыт (<i>Spatial experience</i>)	Индивидуальный, субъективный опыт пространства, сформированный символами, образами, эмоциями; это дорефлективное восприятие пространства, которое воспринимается на уровне чувств, а не рационального осмысления

Как отметила антрополог Сета Лоу, «из работ Лефевра не вполне понятно, как в точности осуществляется взаимодействие между элементами этой модели и как они функционируют эмпирически»²³. Эта неопреде-

²¹ Бедаш Ю. А. Концепция социального пространства Анри Лефевра // Вестник ТГПУ. 2012. № 11 (126). С. 220.

²² Von Hirschhausen B., Grandits H., Kraft C., Müller D., Serrier T. Phantom Borders in Eastern Europe... P. 378.

²³ Лоу С. Пространственное воплощение культуры: Этнография пространства и места. М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 44.

ленность, вероятно, сказала и на концепте фантомных границ. Историк Марко Зайц, в частности, указывает на сложность теоретического и методологического обоснования этого концепта, однако рассматривает это не как недостаток, а скорее как преимущество: отсутствие единого, жесткого определения делает концепт фантомных границ не ограничивающим, а, напротив — продуктивным, позволяя ученым гибко применять его в самых разных контекстах²⁴. Так, Джаспер Кломп, проанализировав публичные заявления польских политиков и газетные публикации, пришел к выводу, что современная граница между Германией и Польшей по линии Одер–Нейсе функционирует как «фантомная граница», несмотря на свое реальное существование: она то исчезает из публичного дискурса, то возвращается в качестве символа угрозы²⁵. Владимир Колосов использует термин «фантомные границы» в качестве синонима исторических или специфического типа реликтовых границ²⁶: в его интерпретации фантомные границы «вызывают сильные эмоции в общественном мнении», и эти эмоции зачастую используются политически²⁷. Такая трактовка вызвала критику фон Хиршхаузен и ее соавторов²⁸, поскольку новизна разработанного ими концепта заключалась в попытке преодолеть односторонние подходы — сосредоточенность на структурах или исключительно на дискурсах; они стремились к комплексному осмыслению, настаивая на том, что термин не предназначен для легитимации имперской ностальгии научными средствами или оправдания ирредентизма²⁹.

Гибкость концепта фантомных границ отражается также в широком спектре методологических стратегий — от количественных³⁰ и качествен-

²⁴ Zajt M. Contemporary Borders as 'Phantom Borders'. An Introduction // *Südosteuropa*. 2019. Vol. 67. № 3. P. 297–298.

²⁵ Klomp J. The Oder-Neisse Line and Nation-Building in Poland since 1989. Phantom-Like Characteristics of Current Borders // *Südosteuropa*. 2019. Vol. 67. № 3. P. 347–368.

²⁶ С такой интерпретацией не согласен Мартин Шимон, который подчеркивает, что фантомные границы следует четко отличать от реликтовых. Последние, по определению, представляют собой пережитки прошлого — рудиментарные структуры, которые хотя и продолжают существовать, но в отличие от фантомных границ уже не проявляются в актуальных моделях поведения (*Šimon M. Measuring phantom borders... P. 140*).

²⁷ Колосов В. А. Фантомные границы на постсоветском пространстве // *Российское пространство: вызовы соседства*. М.: ИП Матушкина И.И., 2018. С. 185.

²⁸ Подробнее об этой дискуссии см. примечание редактора к статье: *Kolosov V. Phantom borders: the role in territorial identity and the impact on society // Belgeo*. 2020. № 2. P. 1–2.

²⁹ *Von Hirschhausen B., Grandits H., Kraft C., Müller D., Serrier T. Phantom Borders in Eastern Europe... P. 372*.

³⁰ *Netrdová P., Korčák M., Nosek V. Measuring and mapping the existence of phantom borders at a local scale: example of Sudetenland in Czechia // Journal of Maps*. 2024. Vol. 20. № 1. P. 1–8; *Jelen L., Dostál P. Fantomové hranice — historické podmíněnosti politických a socioekonomických rozhraní současné Ukrajiny // Mezinárodní vztahy*. 2017. № 3. S. 70–89; *Pospíchal M. Polska A, B i C...; Šimon M. Measuring phantom borders...*

ных³¹ до смешанных (например, Ярослав Яньчак в своем исследовании совместил количественный анализ электоральных данных с интервьюированием представителей местных политических элит)³². Теоретический потенциал концепта, пожалуй, наиболее полно раскрывается при использовании этнографического подхода, который представляет особый интерес для антропологов, поскольку позволяет акцентировать внимание на повседневных практиках и поведенческих стратегиях индивидов и групп³³. Тем не менее ограничение исследования исключительно рамками полевой работы представляется неоправданным: благодаря своей концептуальной гибкости, идея фантомных границ может быть продуктивно адаптирована к различным исследовательским стратегиям и аналитическим контекстам.

Одной из наиболее популярных тем в исследовании фантомных границ является изучение электорального поведения, при этом стоит отметить, что многие работы, посвященные этой сфере, хотя и подробно анализируют региональные отличия при голосовании, однако не используют сам концепт фантомных границ в качестве методологического основания³⁴. Как отметил Яньчак, при изучении электоральных практик весьма перспективны исследования политического дискурса, поскольку позволяют выявить, каким образом политические акторы используют пространственные образы и следы исторического прошлого в своих избирательных стратегиях, формируя определенные представления о регионах. Так, в своем исследовании он показал, что политики восточной части Великопольского воеводства, которое исторически входило в состав Российской империи, стремятся продемонстрировать свою принадлежность к наследию Пруссии, а не России. Пруская часть региона воспринимается как более динамичная, хорошо организованная, экономически развитая, поэтому местные политические элиты и население стремятся подтвердить свою связь с этим «более престижным» прошлым, тем самым преодолевая — прежде всего в собственных глазах — ощущаемые социально-экономические и символические недостатки. Для достижения этой цели они как бы передвигают историческую границу восточнее и принимают нормы и практики, которые ассоциируются с Великой

³¹ Hocquet M., Garrido C., Dill L. L. Berlin beyond the breaks. Living, telling and producing the material of the city // *L'Espace géographique*. 2017. Vol. 46. № 2. P. 158-173; Szalkai G. Summoning historical phantoms. Invention of memorial sites and reification of territorial identities in the Romanian Carpaths // *L'Espace géographique*. 2017. Vol. 46. № 2. P. 143-157; Von Löwis S. Phantom borders and ambivalent spaces...

³² Jańczak J. Phantom borders...

³³ Буйських Ю. «Уявні» та «фантомні» кордони в антропологічній перспективі // *Українознавство*. 2018. № 4(69). С. 122-135.

³⁴ См., напр.: Grosfeld I., Zhuravskaya E. Persistent effects of empires: Evidence from the partitions of Poland // Working paper. 2013. № 5. URL: <https://shs.hal.science/halshs-00795231v1> (дата обращения: 04.06.2025); Jasiewicz K. "The Past Is Never Dead": Identity, Class, and Voting Behavior in Contemporary Poland // *East European Politics and Societies*. 2009. Vol. 23. № 4. P. 491-508; Zarycki T. Nowa przestrzeń społeczno-polityczna Polski. Warszawa: Europejski Instytut Rozwoju Regionalnego i Lokalnego, 1997.

Польшей, чтобы продемонстрировать приверженность более одобряемой «немецкой» политической культуре³⁵.

Поскольку фантомное пространство формируется не только сверху, но и посредством повседневных практик и представлений различных акторов, политики не просто навязывают образ региона, но и стремятся его «проживать» – что проявляется, в частности, в характере их взаимодействия с избирателями. Это наиболее отчетливо прослеживается в ходе местных выборов, когда кандидаты, как правило, родились, учились, работали, а нередко и продолжают проживать в тех регионах, от которых баллотируются. Благодаря этому они не только владеют «понятным» для избирателей языком, но и хорошо ориентируются в локальных представлениях о «типичном» жителе сообщества. В результате идентификация с местной средой становится не просто элементом электоральной стратегии, но и может рассматриваться как повседневная практика, через которую передается субъективный опыт пространства и осуществляется символическое участие в формировании пространственного воображения региона.

ПРЕДВЫБОРНАЯ КАМПАНИЯ В МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ 2024 Г. В ПОЛЬШЕ: ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предвыборная кампания в местные органы власти официально стартовала 29 января 2024 г. после публикации распоряжения премьер-министра о проведении местных выборов, что дало кандидатам право начать агитацию³⁶. Дата голосования была назначена на 7 апреля (первый тур), второй тур состоялся 21 апреля.

В течение последних двадцати лет на политической сцене Польши доминируют две партии: ГП и ПиС. Поскольку с 2005 г. более половины польских избирателей стабильно отдают предпочтение либо ГП, либо ПиС, в настоящем исследовании я сосредоточилась на анализе избирательной кампании кандидатов только от этих двух партий.

В качестве источников использовались расшифровки выступлений политиков ГП и ПиС на предвыборных съездах, которые транслировались на официальных *YouTube*-каналах партий (9 съездов ГП и 8 — ПиС)³⁷. Съезды проходили в разных регионах Польши, что позволило провести сравнительный анализ дискурсов политических акторов. Кроме лидеров и ведущих политиков, в них принимали участие также рядовые члены партий и

³⁵ *Jańczak J. Phantom borders... P. 135.*

³⁶ *Rozporządzenie Prezesa Rady Ministrów z dnia 29 stycznia 2024 r. w sprawie zarządzenia wyborów do rad gmin, rad powiatów, sejmików województw i rad dzielnic m.st. Warszawy oraz wyborów wójtów, burmistrzów i prezydentów miast. URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU20240000109> (дата обращения: 04.06.2025).*

³⁷ *Официальный YouTube-канал ГП: <https://www.youtube.com/@PlatformaRP> (дата обращения: 04.06.2025); официальный YouTube-канал ПиС: <https://www.youtube.com/@pisorgpl> (дата обращения: 04.06.2025).*

избиратели, имевшие возможность задавать вопросы из зала. Журналисты уделяли этим мероприятиям значительное внимание, широко цитируя выступления политиков в средствах массовой информации.

Съезды были распределены по регионам Польши неравномерно. Обе партии не провели ни одного съезда в некогда Прусской части страны. Наибольшее количество мероприятий прошло в Российском разделе — по пять у каждой партии. В Австрийской части состоялось три съезда, а ГП провела один съезд на бывших немецких территориях, которые после 1945 г. вошли в состав Польши (см. табл. 2).

Сценография партийных съездов значительно различается. ГП стремилась подчеркнуть атмосферу открытости, современности и диалога. Основным оратором, как правило, выступал председатель или его заместитель, однако значительное время отводилось также выступлениям других кандидатов, в том числе участвующим в выборах впервые. Иерархия среди выступающих не прослеживалась: трибуна обычно отсутствовала, а все ораторы сидели рядом друг с другом, окруженные аудиторией. Съезды ПиС имели более выраженную иерархическую структуру: основное внимание и большая часть времени были отведены председателю партии Ярославу Качиньскому, который обращался к аудитории с трибуны на сцене или в центре зала. Остальные члены партии выступали со значительно более краткими речами. Обязательным элементом каждого съезда ПиС являлось совместное исполнение польского национального гимна — ритуал, призванный подчеркнуть патриотизм партии и укрепить национальную идентичность ее сторонников.

Таким образом, хотя съезды проводились не во всех фантомных пространствах, имеется обширный материал для сравнительного анализа как минимум двух из них — бывших Российского и Австрийского разделов.

При анализе высказываний политиков применялась процедура кодирования, направленная на формирование объяснительных абстракций на основе эмпирических данных, что подразумевает конструирование аналитических категорий, используемых впоследствии для выявления закономерностей, систематизации и других аналитических операций³⁸. В ходе исследования систематически отбирались все фрагменты текста, где упоминаются какие-либо границы — территориальные, символические, исторические, — а также любые ссылки на прошлые события, которые потенциально могут актуализировать различия между регионами.

³⁸ Hesse-Biber S. N. The practice of qualitative research: engaging students in the research process. Third edition. Los Angeles: SAGE, 2017; Miles M. B., Huberman A. M., Saldaña J. Qualitative data analysis: a methods sourcebook. Third edition. Los Angeles; London; New Delhi; Singapore; Washington DC: Sage, 2014.

**Съезды партий ГП и ПиС, транслировавшиеся
на официальных YouTube-каналах (февраль–апрель 2024 г.)**
Таблица 2

ГП				ПиС					
Дата	Местность	Политики	Воеводство	Регион	Дата	Местность	Политики	Воеводство	Регион
ПЕРВЫЙ ТУР									
2024.02.17.	Варшава	Tusk, Trzaskowski, Grabiec, Gąsińska	Mazowieckie	2	2024.02.16.	Opoczno	Kaczyński	Łódzkie	2
2024.03.02.	Piaseczno	Pukiewicz, Grabiec, Okła-Drewnowicz, Trzaskowski, Bietkowska	Mazowieckie	2	2024.02.25.	Leżajsk	Kaczyński	Podkarpackie	3
2024.03.09.	Pabianice	Grabarczyk, Habura, Joński, Trzaskowski, Tomczyk, Zdanowska	Łódzkie	2	2024.03.02.	Warszawa	Kaczyński, Nitek-Plażyńska, Śliwka, Pohorecka, Nadberezny, Bocheński	Mazowieckie	2
2024.03.16.	Kielce	Gierada, Bodnar, Stenkiewicz, Okła-Dzewnowicz, Wojda, Giertych	Świętokrzyskie	2	2024.03.09.	Śniadowo	Kaczyński	Podlaskie	2
2024.03.17.	Kraków	Stenkiewicz, Niedziela, Miszalski, Trzaskowski	Małopolskie	3	2024.03.17.	Kraków	Kaczyński, Szydło, Kmita, Janik, Rakowski	Małopolskie	3
2024.03.23.	Olsztyn	Kuchciński, Leszczyna, Missan, Protas, Szewczyk, Trzaskowski	Warmińsko-Mazurskie	4	2024.03.23.	Biała	Kaczyński, Czamecki, Ortyl, Marchelska-Groszfeld, Kosicki, Stawiarski	Lubelskie	2
2024.04.05.	Варшава	Tusk, Trzaskowski	Mazowieckie	2	2024.04.05.	Przysucha	Niemirski, Kaczyński	Mazowieckie	2
ВТОРОЙ ТУР									
2024.04.12.	Tamów ³⁹	Trzaskowski, Kwaśny	Małopolskie	3	2024.04.13.	Stalowa Wola	Kaczyński, Nadberezny	Podkarpackie	3
2024.04.13.	Kraków	Trzaskowski, Miszalski	Małopolskie	3					

³⁹ Во время этой трансляции сигнал был потерян более чем на 8 минут.

Анализ текстов был организован в два этапа. На первом этапе проводилось первичное (первый цикл) и последующее обобщающее (второй цикл) кодирование высказываний, соотносенных с теоретической рамкой концепта фантомных границ. На втором этапе осуществлялся углубленный анализ отобранных фрагментов с использованием метода критического дискурс-анализа. Цитаты отбирались на основе их значимости для понимания взглядов политических акторов на прошлое, настоящее и будущее региона, а также на региональную идентичность его жителей.

Результатом первого цикла кодирования стало выделение более тысячи кодов⁴⁰, которые на следующем этапе были сгруппированы в четыре обобщенные категории. Как советует Кэти Чармаз, во время кодирования исследователь должен постоянно задаваться вопросом: «На какие теоретические категории могут указывать те или иные утверждения в тексте?»⁴¹ В случае анализа фантомных границ этот вопрос может быть переформулирован следующим образом: какое из высказываний связано с процессом конструирования границ либо, наоборот, их размывания? В ходе сбора и анализа данных коды постоянно сопоставлялись и уточнялись, чтобы классифицировать эмпирические наблюдения на основе их сходства или различий⁴².

В результате анализа первичных кодов были выделены следующие категории:

География — включает упоминания городов, деревень, регионов и рек, которые фигурируют в выступлениях политиков.

История — охватывает ссылки на исторические события, личности, а также мифы и легенды, связанные с историей Польши и ее отдельных регионов.

Создание границ — обозначает высказывания, содержащие дихотомии «мы – они» и подчеркивающие различия между группами.

Стирание границ — относится к риторике национального единства и интеграции, а также к высказываниям, формирующим образы общего будущего страны.

Метод критического дискурс-анализа позволяет проследить, как в современном политическом дискурсе формируются и воспроизводятся образы польских регионов, исторически развивавшихся в составе разных государств. Этот метод помогает выявить, каким образом тексты либо поддерживают, либо ставят под сомнение устоявшиеся представления о социальной реальности. Особое внимание уделяется не только содержанию

⁴⁰ Обилие кодов объясняется тем, что географические названия упоминались в исследуемых материалах более 800 раз.

⁴¹ Charmaz K. Constructing Grounded Theory. A Practical Guide Through Qualitative Analysis. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 2006. P. 45.

⁴² Mattoni A. The Potentials of Grounded Theory in the Study of Social Movements // Methodological Practices in Social Movement Research / ed. D. Della Porta. New York: Oxford University Press, 2014. P. 30.

самих высказываний, но и тому, какие дискурсивные стратегии используются в зависимости от социального контекста их создания и восприятия⁴³.

В этом исследовании применялся подход Тёна ван Дейка как наиболее соответствующий целям изучения темы и особенностям анализа источников. Ван Дейк подчеркивает, что идеология играет ключевую роль в позитивном представлении одних групп и негативном — других, формируя дискурс о «нас» (хороших) и «них» (плохих)⁴⁴. Фантомные границы часто проявляются именно в таких оппозициях: «они» создают границы, а «мы» — стираем их. Согласно Ван Дейку, в политическом дискурсе особенно важны определенные дискурсивные стратегии, которым было уделено больше внимания, поскольку они часто использовались политиками ГП и ПиС для символического создания границ (например, обвинение; негативное сравнение; пресуппозиция; использование местоимений; гипербола и метафора).

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС О ФАНТОМНЫХ ГРАНИЦАХ: МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ И МЕЖПАРТИЙНОЕ СРАВНЕНИЕ

ГП и ПиС опубликовали на своих официальных *YouTube*-каналах видеозаписи пяти встреч, состоявшихся на территории, ранее входившей в Российский раздел Речи Посполитой (фантомные границы-2), и трех встреч, прошедших в Австрийском разделе (фантомные границы-3). В дальнейшем анализ будет сосредоточен на сравнении дискурсов по трем категориям — история, создание границ и их стирание — сначала для фантомных границ-2, а затем для фантомных границ-3. Категория «география» визуализирована отдельно в виде облака кодов, составленного на основе закодированных географических наименований (см. рис. 2).

Категория «география». Наиболее часто упоминаемым городом в выступлениях политиков ГП и ПиС является Варшава — столица Польши и Мазовецкого воеводства (фантомные границы-2). Второе и третье места по частоте упоминаний в риторике представителей ГП занимают, соответственно, Свентокшиское воеводство и его административный центр — Кельце.

На съездах ПиС, на втором и третьем местах по количеству упоминаний оказались Восточная Польша и Люблинское воеводство (Люблинщина). Под «Восточной Польшей» политики ПиС, как правило, подразумевают Подляское, Люблинское и Подкарпатское воеводства; частота их упоминания во многом объясняется проведением отдельного съезда в селе Бяла (Люблинское воеводство), которое было специально посвящено вопросам,

⁴³ Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. 2-е изд. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008.

⁴⁴ Van Dijk T. A. *Discourse and Power*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire; New York: Palgrave Macmillan, 2008; *Idem*. What is Political Discourse Analysis? // *Belgian Journal of Linguistics*. 1997. Vol. 11. №1. P. 11-52; *Idem*. *Principles of Critical Discourse Analysis // Discourse & Society*. 1993. Vol. 4. № 2. P. 249-283.

жавшему победу в первом туре выборов мэра этого города. Помимо председателя партии, он стал единственным выступающим на съезде. Ярослав Качиньский на протяжении значительной части своего выступления благодарил Надбережного, представляя его как образцового кандидата.

Категория «история». Упоминание исторических событий в выступлениях политиков ГП встречается нечасто — к ним обращаются лишь трижды (фантомные границы-2). Например, Д. Туск, вспомнил об истории профсоюза «Солидарность» (см. цит. 1). В тот период «Солидарность» объединяла представителей различных политических направлений, которые, несмотря на идеологические разногласия, совместно выступали против коммунистического режима в Польше. С этим движением были связаны Лех и Ярослав Качиньские, а также сам Туск: все они участвовали в борьбе за демократизацию страны и в обсуждении ключевых политических вопросов⁴⁶. Впоследствии пути братьев Качиньских и лидера «Солидарности» Леха Валенсы разошлись. Сегодня между Я. Качиньским и Валенсой наблюдается открытая конфронтация: партия ПиС стремится принизить вклад Валенсы в деятельность профсоюза и подорвать его репутацию. В то же время Валенса сохраняет союзнические отношения с Туском, публично поддерживая как его самого, так и сформированное им в 2023 г. правительство.

Цитата 1

Категория «история»: профсоюз «Солидарность»

(05.04.2024. Д. Туск, ГП. Варшава)

To było w Gdańsku, oprócz tygodnika „Solidarność” tu w Warszawie, w Gdańsku powstał tygodnik „Samorządność”, wydawany wówczas przez tą prawdziwą Solidarność Lecha Wałęsy, tą naszą Solidarność <...>

Ja to bardzo przeżywam, bo ja od samego początku tej wspaniałej polskiej rewolucji, od roku 80. żyłem w tym przekonaniu, że właśnie samorząd to będzie filar tej niepodległej, wolnej ojczyzny <...>

Jest ważne, żeby pokonać przeciwnika. I wtedy najważniejsze było oczywiście, aby Solidarność wygrała z PZPR-em i żeby móc zmienić system.

Это было в Гданьске, помимо еженедельника «Солидарность» здесь, в Варшаве, в Гданьске был основан еженедельник «Самоуправление», издававшийся в то время той настоящей «Солидарностью» Леха Валенсы, этой, нашей «Солидарностью» <...>

Я это очень хорошо помню, потому что с самого начала той прекрасной польской революции, с 80-го года я жил с тем убеждением, что именно местное самоуправление станет основанием этой независимой, свободной родины <...>

Важно победить противника. И тогда, конечно, самым важным для «Солидарности» было выиграть у ПОРП⁴⁷ и получить возможность изменить систему.

⁴⁶ Лыкошина Л. С. Дональд Туск: Политический портрет. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 21.

⁴⁷ PZPR, *Polška Zjednoczona Partia Robotnicza* — Польская объединенная рабочая партия. В 1948–1989 гг. — правящая партия в Польше. После частично свободных парламентских выборов 1989 г. стало очевидно, что ПОРП не пользуется поддержкой и авторитетом в обществе. В начале 1990 г. партия была распущена.

Сегодня профсоюз «Солидарность» уже не обладает той степенью влияния и общественного значения, как в прошлом. С 2010 г. его возглавляет Петр Дуда, который открыто называет ПиС своим главным политическим союзником. Именно поэтому Туск акцентирует свою принадлежность к «подлинной “Солидарности” Леха Валенсы» и подчеркивает, что убеждение в значимости самоуправления как основы демократического общества сформировалось у него еще в юности. В апелляции к прошлому Туск выстраивает границу между ГП и ПиС, подчеркивая собственную роль в борьбе за свободу и независимость Польши. Он усиливает это, показывая свою эмоциональную вовлеченность в события 1980-х гг., однако при этом умалчивает, что братья Качиньские также были связаны с «Солидарностью» и боролись за демократические преобразования в Польше. И наконец, Туск возвращается от воспоминаний к актуальной политической повестке, проводя параллель, крайне неприятную для ПиС. Подобно тому, как в 1980-х победа над правящей партией воспринималась как условие трансформации политической системы, сегодня победа на местных выборах представляется Туску необходимой для защиты демократических основ государства, которые, по его мнению, ПиС разрушает.

Качиньский в своих выступлениях не обращается к теме профсоюза «Солидарность», однако часто акцентирует внимание на понятии *свободы*, которое занимает ключевое место в польской национальной идентичности. Речь может идти как о восстановлении польской государственности после разделов, так и об освобождении от навязанной извне социально-политической системы и идеологии. Качиньский подчеркивает, что свобода является определяющей чертой польского народа, при этом подчеркивает прежде всего свободу от внешнего влияния — в отличие от Туска, для которого более важны политические свободы в демократическом контексте. В поддержку своей позиции Качиньский ссылается на авторитет одного из средневековых польских мыслителей (см. цит. 2).

Цитата 2

Категория «история»: Винцентий Кадлубек

(02.03.2024. Я. Качиньский, ПиС. Варшава)

Ale Polska musi być narodem ludzi wolnych. To jest podstawowa cecha Polaków. Opisywał ją już pierwszy polski historyk, wtedy mówiło się kronikarz, czyli Kadłubek <...> Otóż on też, czy już, pisał, że Polsce, Polakom nigdy wolności nie zabrano. Te wybory powinny przypomnieć tym wszystkim, którzy mają pod tym względem inne plany, że Polacy wolności sobie odebrać nie dadzą!

Но Польша должна быть страной свободных людей. Это основная черта поляков. Об этом писал еще первый польский историк, тогда говорили хронист, Кадлубек <...> Он тоже, или уже тогда, писал, что у Польши, у поляков свободу никто и никогда отнять не смог. Эти выборы должны напомнить всем тем, у кого имеются другие планы на этот счет, что поляки не позволят отнять у них свободу!

Винцентий Кадлубек — польский католический прелат, епископ Кракова, живший на рубеже XII–XIII вв. Он является автором весьма объемной хроники Польши и считается одним из основоположников польской культуры и национального самосознания. Качиньский связывает историческое наследие с современностью и будущим, утверждая, что поляки не позволяют отнять у них свободу. Адресат скрытой угрозы — Туск, которого ПиС традиционно изображает как политика, действующего не в интересах Польши. Таким образом проводится граница между настоящими патриотами и теми, кто, по мнению ПиС, таковыми не является. Подобные обвинения в адрес Туска не новы: еще в ходе президентской кампании 2005 г., в которой он лидировал после первого тура, но уступил Л. Качиньскому во втором, одной из причин поражения стало распространение информации о том, что дед Туска якобы служил в вермахте. Впоследствии Л. Качиньский извинился за это перед своим соперником. Однако брат Леха, Ярослав, неизменно повторяет, что Туск якобы действует в интересах своих «немецких хозяев».

Особенностью дискурса о фантомных границах-3 является то, что политики ГП подчеркивают исторически обусловленные региональные особенности Галиции. В частности, цитата министра культуры и национального наследия Бартоломея Сенкевича служит ярким примером воспроизведения этого феномена (см. цит. 3).

Цитата 3

Категория «история»: аллюзии к австрийскому разделу Польши

(17.03.2024. Б. Сенкевич, ГП. Краков)

Olku, ty i Kraków to jest jak ręka i rękawiczka. Dobrze dopasowana rękawiczka! I ja wierzę, że co jak co, ale człowiek, który ma szczerę, niebieskie oczy słowiańskie i tak potężną szczękę Habsburgów, naprawdę powinien wygrać w tym mieście, no!

Олек, ты и Краков как рука и перчатка, идеально подходящая перчатка! И я верю, как бы там ни было, но человек с искренними голубыми славянскими глазами и такой мощной челюстью Габсбургов действительно должен победить в этом городе!

Описание кандидата в мэры Кракова Александра Мишальского — явная отсылка к периоду разделов Речи Посполитой, когда Галиция входила в состав Габсбургской империи. Кроме того, Сенкевич применил две метафоры: первая — «рука и перчатка» — служит для усиления второй, создающей впечатление совершенного единства и гармонии в образе Мишальского.

В общественном представлении наследие Австро-Венгерской империи воспринимается более позитивно, нежели прусского, а особенно российского. Поздний период правления Габсбургов часто ассоциируется с порядком и культурным развитием, благодаря чему он приобрел черты идеализированного прошлого — времени мира, стабильности и процветания. Символами этой эпохи стали фигуры Франца Иосифа и его супруги Ели-

заветы Баварской, которые до сих пор пользуются популярностью в Польше — их портреты можно встретить в интерьерах кафе и на сувенирной продукции. После Первой мировой войны Австро-Венгрия прекратила свое существование и перестала быть угрозой для польской государственности, что, возможно, также предопределило более позитивное восприятие ее исторического наследия. Российское же наследие воспринимается наиболее негативно. Дополнительным фактором, который усиливает это восприятие, служит низкий символический статус России в современном международном контексте⁴⁸.

Таким образом, сильный образ кандидата на пост мэра Кракова создает сочетание двух ключевых черт. Во-первых, он представлен как славянин, родившийся и воспитанный в Кракове. Во-вторых, кандидат предстает как прагматичный и целеустремленный администратор, обладающий четкой стратегией действий и способностью обеспечить порядок в городском управлении. Подобный образ соотносится со стереотипом «немецкого характера» — рационального, организованного и дисциплинированного.

На съездах ПиС тема каких-либо уникальных особенностей Галиции не поднималась. Я. Качиньский в одном из своих выступлений упомянул третий раздел Речи Посполитой, однако в контексте современных внешнеполитических вопросов, а не в качестве особенностей историко-культурного наследия этого региона (см. цит. 4).

Цитата 4

Категория «история»: разделы Речи Посполитой

(25.02.2024. Я. Качиньский, ПиС. Лежайск)

Przecież Putin mówił wyraźnie, przekazywał takie dokumenty, pisma do NATO, do... innych państw Europejskich. Ma powrócić sytuacja geostrategiczna taka, jak po trzecim rozbiórce Polski, czyli w 95 roku. No wtedy... pfff... ta granica rozbioru Rosyjskiego, no mniej więcej przypominała dzisiejszą, ale on też dodaje, że jednak Galicja Wshodnia też do nich należy. Czyli... e... to nie jest tak, że coś nam by chciał darować... oczywiście my takich darunków, podarunków, byśmy w żadnym wypadku nie przyjęli! Nie chcemy absolutnie żadnych zmian granic. Natomiast... hm... to jest ... no... tego rodzaju sytuacja.

Ведь Путин говорил четко и передавал такие документы, письма НАТО, в... другие европейские страны. Должна вернуться геостратегическая ситуация такая же, как после третьего раздела Польши, то есть в 95-м году. Ну, тогда... пффф... эта граница российского раздела, правда, была более-менее похожа на сегодняшнюю, но он также добавил, что Восточная Галиция также принадлежит им. То есть... э... дело не в том, что он хочет нам что-то подарить... конечно, мы таких даров, подарков, не приняли бы ни при каких обстоятельствах! Мы абсолютно не хотим никаких изменений границ. Напротив... хм... вот это... такого рода ситуация.

⁴⁸ Zarycki T. Ideologies of Eastness in Central and Eastern Europe. London; New York: Routledge/Taylor & Francis Group, 2014. P. 184.

Следует обратить внимание на сбивчивость речи Качиньского, о чем свидетельствуют паузы, жесты (он постоянно поправляет микрофоны), желание подобрать более нейтральные слова, высказываясь на острую тему. В начале XX в. Восточная Галиция была яблоком раздора между поляками и украинцами, и те, и другие считали ее не просто своей, а своего рода ядром объединения нации и формирования ее идентичности. Фраза «Восточная Галиция также принадлежит им [русским]» несет в себе целую цепочку смыслов, включая намек на попытку Советской России присоединить эти территории во время советско-польской войны (1919–1921) и в сентябре 1939 г. Первая попытка закончилась подписанием Рижского мирного договора, по которому Восточная Галиция вошла в состав Второй Польской Республики. Вторая попытка оказалась более успешной для Советского Союза, и часть Восточной Галиции была присоединена к Украинской ССР. Стоит обратить внимание и на то, что Качиньский использует термин «Восточная Галиция», а не «Западная Украина»⁴⁹, например.

Категория «создание границ». Центральным мотивом, который последовательно подчеркивает Туск и другие представители правящей коалиции на съездах (как в контексте фантомных границ-2, так и фантомных границ-3), выступает представление о том, что их противостояние выходит за рамки обычной демократической конкуренции и направлено на борьбу с идеологическим противником. Именно поэтому его лозунг «борьбы добра со злом» обладает столь сильным воздействием; он символизирует противостояние демократии и авторитаризма, законности и беззакония, доброты и коррупции, ответственной политики и популизма. ГП подчеркивает, что стремится к объединению людей независимо от их политических взглядов и мировоззрения.

Следующая линия разграничения проводится между местными и центральными органами власти: ГП обвиняет ПиС в посягательстве на права органов местного самоуправления и ограничении их бюджетных полномочий. По мнению ГП, сама идея местного самоуправления чужда ПиС, поскольку та стремится к созданию жесткой вертикали власти. И наконец, ГП обвиняет своих оппонентов в сознательном проведении политики, направленной на раскол общества и намеренное противопоставление различных групп населения друг другу.

Зеркальные обвинения звучат и в риторике политиков ПиС в адрес ГП: они утверждают, что ложь оппонентов расколола нацию, разделив на *Польшу А* и *Польшу Б*. Как правило, под *Польшей А* понимают более экономи-

⁴⁹ После международного признания восточной границы Польши в 1923 г. в общественно-политический и научный оборот постепенно входят различные наименования этой территории: в польской традиции — «Восточная Малопольша» (*Wschodnia Małopolska*), в украинской — «Западная Украина» (*Західна Україна*) (*Hibel K. Od „Małopolski Wschodniej” do „Ukrainy Zachodniej”. Geneza, rozwój oraz zakres funkcjonowania w języku polskim nazw geograficznych odnoszących się do „Galicji Wschodniej” w latach 1918-1939 // Slavia Orientalis. 2012. T. LXI. № 4. S. 475-510.*

чески развитые регионы страны, тогда как *Польша Б* ассоциируется с территориями, испытывающими социально-экономические трудности. Истоки этого разделения восходят к эпохе разделов Речи Посполитой, когда земли Прусского раздела в экономическом отношении были значительно более развиты по сравнению с Австрийским и Российским⁵⁰. Разделение страны на Запад и Восток проявляется, в частности, в постоянно повторяемом выражении «Восточная Польша — бедный регион» (см. цит. 5).

Цитата 5

Категория «создание границ»: развитие Восточной Польши

(23.03.2024. Я. Качиньский, ПиС. Бяла)

My chcemy, żeby w Polsce ludzie mieli równe szanse, równe szanse pod każdym względem. A to wymaga jeszcze bardzo dużego wysiłku i my ten wysiłek podjęliśmy. Podjęliśmy także w interesie Polski Wschodniej, tej części Polski, która była w gorszej sytuacji przez wiele lat, przez wiele dziesięcioleci, czy nawet jeszcze dłuższe okresy, tutaj można brać pod uwagę <...> I to nie dlatego, że jakaś wielka część z nas pochodzi z tej części Polski. Tak, niektórzy pochodzą, nawet wielu pochodzi <...> Ja sam pochodzę z Warszawy, ale to dla mnie nie ma żadnego znaczenia. Dla mnie Polska jest wszędzie.

Мы хотим, чтобы у каждого человека в Польше были равные возможности, равные возможности во всех сферах жизни. А это требует приложения еще больших усилий, и мы пошли на это. Мы также прилагали усилия в интересах Восточной Польши, той части Польши, которая была в худшем положении в течение многих лет, многих десятилетий или даже более длительных периодов, здесь это можно принять во внимание <...> И это не потому, что какая-то большая часть из нас родом из этой части Польши. Да, некоторые отсюда, даже многие <...> Я сам родом из Варшавы, но для меня это не имеет никакого значения. Для меня Польша везде.

Цитата содержит объединяющий посыл: фраза «Для меня Польша везде» подчеркивает, что происхождение не имеет значения. Качиньский позиционирует себя как патриота, стремящегося к единству страны и поддержке всех поляков, особенно тех, кто чувствует себя забытым или обделенным. Он подчеркивает важность уважительного отношения к каждому, вне зависимости от личных достижений. В то же время, подобная концентрация внимания на одном регионе усиливает его стигматизацию, формируя устойчивое представление о нем как об отсталой и менее развитой части страны

Категория «стирание границ». Представители ГП чаще рассуждают об объединении поляков, нежели их оппоненты, как в контексте фантомных границ-2, так и фантомных границ-3. Несмотря на резкую критику ПиС, ГП признает и положительные аспекты, объединяющие обе партии, такие как общие взгляды на национальную безопасность. ГП также делает акцент

⁵⁰ *Barthowski J. Tradycja zaborów a współczesne zachowania społeczne w Polsce // Oblicza lokalności: tradycja i współczesność / red. J. Kurczewska. Warszawa: Wydawn. IFIS PAN, 2004.*

на важности сотрудничества гражданского общества с политиками и на укреплении связей между депутатами из различных регионов. Тшасковский и Туск регулярно употребляют слово «синергия» для обозначения гармоничного взаимодействия местных органов власти с центральным правительством, подчеркивая при этом важность равноправных и доверительных отношений в противоположность созданию жесткой вертикали власти. Кроме того, ГП подчеркивает необходимость восстановления общественного единства, которое, по их мнению, было подорвано в период правления ПиС (2015–2023 гг.). Представители ГП утверждают, что важно вернуться к нормальному общественному диалогу, в рамках которого граждане могут свободно общаться и совместно решать актуальные проблемы. Вице-председатель партии и мэр Варшавы Рафал Тшасковский подчеркивает ключевую роль местного самоуправления в преодолении существующих барьеров, приводя в качестве примера строительство моста в Варшаве как символ успешного устранения барьеров (см. цит. 6).

Цитата 6

Категория «стирание границ»: объединение обоих берегов Вислы

(17.02.2024. Р. Тшасковский, ГП. Варшава)

Budujemy most pieszo-rowerowy przez Wisłę <...> [M]ost pieszo-rowerowy to jest łamanie tych barier, które mamy w głowie, to jest połączenie lewobrzeżnej Warszawy z prawobrzeżną Warszawą. To jest przerzucenie tego olbrzymiego sukcesu również na drugą stronę Wisły, gdzie dokonał się nieprawdopodobny plan rewitalizacji <...> To jest też filozofia tego, co robi samorząd. Samorząd łączy. Samorząd stara się niwelować wszelkiego rodzaju różnicy. To jest symbol łamania stereotypów.

Мы строим пешеходно-велосипедный мост через Вислу <...> [M]ост для пешеходов и велосипедистов разрушает те барьеры, которые у нас в голове; он соединяет левобережную Варшаву с правобережной Варшавой. Это перенесение этого огромного успеха также на другой берег Вислы, где был реализован невероятный план реконструкции <...> Это также философия того, что делает местное правительство. Местное правительство объединяет. Местные органы власти стараются преодолеть разного рода различия. Это символ разрушения стереотипов.

Восточный район Варшавы — Прага, который традиционно считается неблагополучным и небезопасным для проживания и прогулок, особенно в вечернее время, по словам Тшасковского, начал возрождаться в период его пребывания на посту мэра. Благодаря мосту Прага все теснее интегрируется с западной частью города, что способствует сокращению социально-пространственных различий. Более того, мост служит местом встреч жителей, живущих по разные стороны Вислы, выступая своего рода нейтральной территорией, объединяющей обе части города.

Для ПиС одной из ключевых тем избирательной кампании (как в контексте фантомных границ-2, так и фантомных границ-3) является принцип

равных возможностей для всех жителей Польши, независимо от их места проживания или социального статуса. Особое внимание уделяется сельской местности, небольшим городам и людям с низким уровнем дохода — именно эта группа во многом формирует социальный портрет типичного избирателя партии. Подход ПиС к объединению общества выражается в использовании национальных символов, которые традиционно служили объединяющей силой для поляков. Главным ориентиром при этом выступает государство как священная ценность, вокруг которой они призывают консолидироваться. Таким образом, партия стремится преодолеть исторические и социально-экономические разрывы, формируя общенациональную идентичность и объединяя различные территориальные и социальные сообщества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе был проведен сравнительный анализ двух фантомных пространств и предпринята попытка ответить на вопрос, каким образом дискурс о фантомных границах проявляется в выступлениях политиков ГП и ПиС, а также как он конструируется в различных регионах Польши. Для этого были изучены выступления политиков на 17 съездах партий, состоявшихся в рамках предвыборной кампании в период с 29 января по 21 апреля 2024 г.

Характерной особенностью дискурса фантомных границ-2 является отсутствие в речах политиков прямых упоминаний исторических границ Польши или событий, связанных с разделами Речи Посполитой. Это позволяет говорить о том, что данные фантомные границы фактически исчезают из публичного воображения: линии разграничения проводятся по иным смысловым основаниям. При этом границы достаточно подвижны. Они могут локализоваться географически — например, проходить «по Висле» или по линии трех восточных воеводств — либо принимать более абстрактную форму, превращаясь в моральные и символические противопоставления. Так, граница может описываться как раздел между «добром» (честностью, законностью, демократичностью), с которыми себя отождествляет ГП, и «злом» (коррупцией, непотизмом, нечестностью), приписываемым ПиС. Или же используются такие пары противопоставлений, как: «демократия / не-демократия» (например, в нарративе Туска о «Солидарности») или «патриоты / не-патриоты» (в интерпретациях Качиньского, например, в рассказе о В. Кадлубке). При этом ГП акцентирует внимание на стирании географических и символических границ, которое, по их мнению, достигается через создание условий для достойной и комфортной жизни граждан. В этом контексте мост через Вислу в выступлении Тшасковского может рассматриваться как пространственный символ такого комфорта и интеграции: он соединяет благоустроенное пространство по обе стороны реки, визуализируя стремление к единству и равному доступу к городским ресур-

сам. В то же время ПиС фокусируется на Восточной Польше, подчеркивая в своей риторике необходимость предоставления этому региону равных возможностей для развития. Однако парадоксальным образом такой риторический акцент на региональной дифференциации — даже в защитной логике — может непреднамеренно усиливать образ восточных воеводств как особой, менее развитой части страны.

Таким образом, исчезновение фантомной границы-2 (бывший российский раздел) можно объяснить тем, что в текущем политическом контексте любые отсылки к России либо к периоду пребывания части Польши под ее властью становятся нежелательными и стратегически невыгодными. Эти элементы прошлого намеренно не актуализируются, поэтому политические акторы выстраивают новые линии разграничения, не совпадающие с логикой прежних разделов.

Характерной чертой дискурса фантомных границ-3 является то, что политики упоминают разделы Речи Посполитой либо напрямую, как председатель ПиС Я. Качиньский, либо косвенно, через намеки и шутки, как представители ГП. Проявление фантомной границы австрийского раздела можно объяснить тем, что после Первой мировой войны Австрия утратила статус великой державы и перестала представлять угрозу независимости польского государства, возможно, поэтому прошлое стало романтизироваться. Кроме того, в отличие от России и Германии, Австрия обладает менее запятнанной репутацией в связи с трагической историей середины XX в. Поэтому в общественном сознании закрепилось представление об Австро-Венгерской империи как стабильном, богатом и процветающем государстве, что поддерживается в том числе и туристической индустрией. Политики ориентируются на модели, которые представляются безопасными и привлекательными, черпая из них ориентиры для своих социальных, экономических и политических предложений. Австрийское наследие благодаря этому выступает не только как исторический фон, но и как ресурс символической поддержки, делая прошлое более «дружелюбным» и удобным для современного воображения.

Таким образом, исследование показало, что фантомные границы-2 оказываются фактически стертыми: они не находят артикуляции в политическом дискурсе, поскольку в настоящем контексте рассматриваются как неактуальное и нефункциональное прошлое. В отличие от них фантомные границы-3 продолжают воспроизводиться и символически активироваться в высказываниях политиков.

Фантомные границы, представляющие собой наследие разделов Речи Посполитой и территориальных изменений после Второй мировой войны, перекликаются с политическими расколами, которые не являются специфическими для какой-либо одной страны, а отражают более широкие процессы и вызовы, характерные для многих современных обществ. Эта параллель поднимает вопрос, на который, вероятно, достаточно сложно ответить:

действительно ли в Польше фантомные границы связаны с историческим наследием, которое до сих пор не преодолено, или же образы прошлого используются специально, чтобы оправдать современные внутренние конфликты, перенося ответственность на исторические обстоятельства? В этом контексте прошлое может либо недооцениваться — как фактор, продолжающий влиять на восприятие настоящего, либо, наоборот, переоцениваться — превращаясь в своего рода само сбывающееся пророчество, которое ограничивает свободу действий и придает сегодняшним проблемам кажущуюся историческую неизбежность.

Литература

- Бедаш Ю. А.* Концепция социального пространства Анри Лефевра // Вестник ТГПУ. 2012. № 11 (126). С. 219–224.
- Буйських Ю.* «Уявні» та «фантомні» кордони в антропологічній перспективі // Українознавство. 2018. № 4(69). С. 122–135. [https://doi.org/10.30840/2413-7065.4\(69\).2018.152052](https://doi.org/10.30840/2413-7065.4(69).2018.152052)
- Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж.* Дискурс-анализ. Теория и метод. 2-е изд. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008.
- Колосов В. А.* Фантомные границы на постсоветском пространстве // Российское пограничье: вызовы соседства. М.: ИП Матушкина И.И., 2018. С. 183–200.
- Лагно А. Р., Михайлова О. В.* «Польско-польская война»: причины и последствия для политической системы // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 2. С. 42–52.
- Лефевр А.* Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015.
- Лоу С.* Пространственное воплощение культуры: Этнография пространства и места. М.: Новое литературное обозрение, 2024.
- Лыкошина Л. С.* Дональд Туск: Политический портрет. М.: ИНИОН РАН, 2013.
- Лыкошина Л. С.* «Польско-польская война»: Политическая жизнь современной Польши. М.: ИНИОН РАН, 2015.
- Нойманн И.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004.
- Bartkowski J.* Tradycja zaborów a współczesne zachowania społeczne w Polsce // *Oblicza lokalności: tradycja i współczesność* / red. J. Kurczewska. Warszawa: Wydawn. IFIS PAN, 2004.
- Charmaz K.* Constructing Grounded Theory. A Practical Guide Through Qualitative Analysis. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 2006.
- Esch M. G.* Die Stadt als Spielfeld. Raumbegriffe, Raumnutzungen, Raumdeutungen polnischer Hooligans. Göttingen: Wallstein, 2016.
- Europa vertikal. Zur Ost-West-Gliederung im 19. und 20. Jahrhundert / hrsg. von R. Aldenhoff-Hübinger, C. Gousseff, T. Serrier. Göttingen: Wallstein, 2016.
- Fragmentierte Republik? Das Politische Erbe der Teilungszeit in Polen 1918–1939 / hrsg. von M. G. Müller, K. Struve. Göttingen: Wallstein, 2017.

- Gajdek A., Porczyński D.* Trwanie granic rozbiorowych w praktykach, kolekcjach i krajobrazie // *Politeja*. 2019. № 1(58). P. 311–339. <https://doi.org/10.12797/Politeja.16.2019.58.17>
- Góra M., Zielińska K.* The role of religion in sovereignist narratives of European integration: symbolic thickening and identity marking // *East European Politics*. 2024. Vol. 40. № 2. P. 197–218. <https://doi.org/10.1080/21599165.2023.2225030>
- Grosfeld I., Zhuravskaya E.* Persistent effects of empires: Evidence from the partitions of Poland // Working paper. 2013. № 5. URL: <https://shs.hal.science/hal-shs-00795231v1> (дата обращения: 04.06.2025).
- Hesse-Biber S. N.* The practice of qualitative research: engaging students in the research process. Third edition. Los Angeles: SAGE, 2017.
- Hibel K.* Od „Małopolski Wschodniej” do „Ukrainy Zachodniej”. Geneza, rozwój oraz zakres funkcjonowania w języku polskim nazw geograficznych odnoszących się do „Galicji Wschodniej” w latach 1918–1939 // *Slavia Orientalis*. 2012. T. LXI. № 4. S. 475–510.
- Hocquet M., Garrido C., Dill L. L.* Berlin beyond the breaks. Living, telling and producing the material of the city // *L’Espace géographique*. 2017. Vol. 46. № 2. P. 158–173.
- Jańczak J.* Phantom borders and electoral behavior in Poland historical legacies, political culture and their influence on contemporary politics // *Erdkunde*. 2015. Vol. 69. № 2. P. 125–137. <https://doi.org/10.3112/erdkunde.2015.02.03>
- Jasiewicz K.* “The Past Is Never Dead”: Identity, Class, and Voting Behavior in Contemporary Poland // *East European Politics and Societies*. 2009. Vol. 23. № 4. P. 491–508.
- Jelen L., Dostál P.* Fantomové hranice — historické podmíněnosti politických a socioekonomických rozhraní současně Ukrajiny // *Mezinárodní vztahy*. 2017. № 3. S. 70–89.
- Klomp J.* The Oder-Neisse Line and Nation-Building in Poland since 1989. Phantom-Like Characteristics of Current Borders // *Südosteuropa*. 2019. Vol. 67. № 3. P. 347–368.
- Kolosov V.* Phantom borders: the role in territorial identity and the impact on society // *Belgeo*. 2020. № 2. P. 1–19. <https://doi.org/10.4000/belgeo.38812>
- Mattoni A.* The Potentials of Grounded Theory in the Study of Social Movements // *Methodological Practices in Social Movement Research* / ed. D. Della Porta. New York: Oxford University Press, 2014. P. 21–42.
- Miles M. B., Huberman A. M., Saldaña J.* Qualitative data analysis: a methods sourcebook. Third edition. Los Angeles; London; New Delhi; Singapore; Washington DC: Sage, 2014.
- Mishkova D., Trencsényi B.* Introduction // *European Regions and Boundaries: A Conceptual History*. New York: Berghahn Books, 2017. P. 1–12.
- Netrdová P., Korčák M., Nosek V.* Measuring and mapping the existence of phantom borders at a local scale: example of Sudetenland in Czechia // *Journal of Maps*. 2024. Vol. 20. № 1. P. 1–8. DOI: 10.1080/17445647.2023.2300260.
- Newman D.* Borders and Bordering: Towards an Interdisciplinary Dialogue // *European Journal of Social Theory*. 2006. Vol. 9. № 2. P. 171–186.

- Newman D.* The lines that continue to separate us: borders in our ‘borderless’ world // *Progress in Human Geography*. 2006. Vol. 30. № 2. P. 143–161.
- Pattie C., Johnston R.* Electoral Geography // *International Encyclopedia of Human Geography* / ed. R. Kitchin, N. Thrift. Oxford: Elsevier, 2009. P. 405–422.
- Phantomgrenzen. Räume und Akteure in der Zeit neu denken / hrsg. von B. von Hirschhausen, H. Grandits, C. Kraft, D. Müller, T. Serrier. Göttingen: Wallstein, 2015.
- Pospíchal M.* Polska A, B i C? Volební geografie vybraných polských vojvodství // *Středoevropské politické studie*. 2017. Vol. 19. № 3–4. P. 264–318. <https://doi.org/10.5817/CEPSR.2017.34.264>
- Sendhardt B.* Border Types and Bordering Processes: A Theoretical Approach to the EU/Polish-Ukrainian Border as a Multi-dimensional Phenomenon // *Borders and Border Regions in Europe: Changes, Challenges and Chances* / ed. A. Lechevalier, J. Wielgoths. Bielefeld: Transcript Verlag, 2013. P. 21–44.
- Šimon M.* Measuring phantom borders: the case of Czech/Czechoslovakian electoral geography // *Erdkunde*. 2015. Vol. 69. № 2. P. 139–150. <https://doi.org/10.3112/erdkunde.2015.02.04>.
- Szalkai G.* Summoning historical phantoms. Invention of memorial sites and reification of territorial identities in the Romanian Carpathians // *L’Espace géographique*. 2017. Vol. 46. № 2. P. 143–157.
- Tomíć Đ.* Phantomgrenzen und regionale Autonomie im postsozialistischen Südosteuropa. Die Vojvodina und das Banat im Vergleich. Göttingen: Wallstein, 2016.
- Umstrittene Räume in der Ukraine. Politische Diskurse, literarische Repräsentationen und kartographische Visualisierungen / hrsg. von S. von Löwis. Göttingen: Wallstein, 2019.
- Urbatsch R.* Long-term effects of ethnic cleansing in the former Polish-German borderlands // *Political Geography*. 2017. Vol. 58. P. 56–66. <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2017.01.004>.
- Van Dijk T. A.* *Discourse and Power*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire; New York: Palgrave Macmillan, 2008.
- Van Dijk T. A.* *Principles of Critical Discourse Analysis* // *Discourse & Society*. 1993. Vol. 4. № 2. P. 249–283.
- Van Dijk T. A.* What is Political Discourse Analysis? // *Belgian Journal of Linguistics*. 1997. Vol. 11. № 1. P. 11–52.
- Von Hirschhausen B.* Les provinces du temps: frontières fantômes et expériences de l’histoire. Paris: CNRS éditions, 2023.
- Von Hirschhausen B.* Phantom Borders // *Critical Dictionary on Borders, Cross-Border Cooperation and European Integration*. Bruxelles; Bern; Berlin; New York; Oxford; Wien: Peter Lang, 2020. Vol. 1. P. 642–645.
- Von Hirschhausen B.* The heuristic interest of the concept of “phantom borders” in the understanding of cultural regionalization / transl. from French by M. Velguth // *L’Espace géographique*. 2017. Vol. 46. № 2. P. 106–125.
- Von Hirschhausen B.* The lessons of phantom borders: The vestiges of the past come (also) from the future / transl. from French by N. Bint // *L’Espace géographique*. 2017. Vol. 46. № 2. P. 97–105.

- Von Hirschhausen B., Grandits H., Kraft C., Müller D., Serrier T. Phantom Borders in Eastern Europe. A New Concept for Regional Research // *Slavic Review*. 2019. Vol. 78. Iss. 2. P. 368–389. <https://doi.org/10.1017/slr.2019.93>
- Von Löwis S. Das Phantom der alten Grenze am Zbruč. Kontinuitäten und Brüche Sozialräumlicher Strukturen in der Westukraine. Göttingen: Wallstein, 2019.
- Von Löwis S. Phantom borders and ambivalent spaces of identification in Ukraine // *L'Espace géographique*. 2017. Vol. 46. № 2. P. 126–142.
- Von Löwis S. Phantom borders in the political geography of East Central Europe: an introduction // *Erdkunde*. 2015. Vol. 69. № 2. P. 99–109. <https://doi.org/10.3112/erdkunde.2015.02.01>
- Wahrnehmen, Erfahren, Gestalten: Phantomgrenzen und soziale Raumproduktion / hrsg. von M.G. Esch, B. von Hirschhausen, S. Beer. Göttingen: Wallstein, 2017.
- Wielgosz Ł. Wojna Polsko-Polska: Zarządzanie oligopolem politycznym przez Platformę Obywatelską oraz Prawo i Sprawiedliwość w latach 2001–2015. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2019.
- Zajc M. Contemporary Borders as ‘Phantom Borders’. An Introduction // *Südosteuropa*. 2019. Vol. 67. № 3. P. 297–303.
- Zarycki T. Ideologies of Eastness in Central and Eastern Europe. London; New York: Routledge/Taylor & Francis Group, 2014.
- Zarycki T. Nowa przestrzeń społeczno-polityczna Polski. Warszawa: Europejski Instytut Rozwoju Regionalnego i Lokalnego, 1997.
- Zarycki T. The electoral geography of Poland: between stable spatial structures and their changing interpretations // *Erdkunde*. 2015. Vol. 69. № 2. P. 107–124. <https://doi.org/10.3112/erdkunde.2015.02.02>
- Zhurzhenko T. Between the ‘Opening to the West’ and the Trauma of Rebordering Towards a Genealogy of Post-Soviet Border Studies // *Post-Soviet Borders: A Kaleidoscope of Shifting Lives and Lands* / ed. B. Eschment, S. Von Löwis. London: Routledge, 2022. P. 32–50.

References

- Bartkowski, J., 2004. *Tradycja zaborów a współczesne zachowania społeczne w Polsce*. In: J. Kurczewska, ed., 2004. *Oblicza lokalności: tradycja i współczesność*. Warszawa: Wydawn. IFIS PAN.
- Biedash, Y. A., 2012. Henri Lefebvre’s concept of social space. *TSPU Bulletin*, 11 (126), pp. 219–224. (In Russian)
- Buiskykh, Y., 2018. “Imagined” and “phantom” borders in the anthropological perspective. *Ukrainoznavstvo*, 4(69), pp. 122–135. [https://doi.org/10.30840/2413-7065.4\(69\).2018.152052](https://doi.org/10.30840/2413-7065.4(69).2018.152052) (in Ukrainian)
- Charmaz, K., 2006. *Constructing Grounded Theory. A Practical Guide Through Qualitative Analysis*. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications.
- Esch, M. G., 2016. *Die Stadt als Spielfeld. Raumbegriffe, Raumnutzungen, Raumdeutungen polnischer Hooligans*. Göttingen: Wallstein.
- Esch, M. G., von Hirschhausen, B., Beer, S., 2017. *Wahrnehmen, Erfahren, Gestalten: Phantomgrenzen und soziale Raumproduktion*. Göttingen: Wallstein.

- Gajdek, A., Porczyński, D., 2019. Trwanie granic rozbiorowych w praktykach, kolekcjach i krajobrazie. *Politeja*, 1(58), pp. 311–339. <https://doi.org/10.12797/Politeja.16.2019.58.17>.
- Góra, M., Zielińska, K., 2024. The role of religion in sovereignist narratives of European integration: symbolic thickening and identity marking. *East European Politics*, 40, 2, pp. 197–218. <https://doi.org/10.1080/21599165.2023.2225030>
- Grosfeld, I., Zhuravskaya, E., 2013. Persistent effects of empires: Evidence from the partitions of Poland. *Working paper*, 5. URL: <https://shs.hal.science/hal-shs-00795231v1> (accessed: 04.06.2025).
- Hesse-Biber, S. N., 2017. *The practice of qualitative research: engaging students in the research process*. Third edition. Los Angeles: SAGE.
- Hibel, K., 2012. Od „Małopolski Wschodniej” do „Ukrainy Zachodniej”. Geneza, rozwój oraz zakres funkcjonowania w języku polskim nazw geograficznych odnoszących się do „Galicji Wschodniej” w latach 1918–1939. *Slavia Orientalis*, LXI, 4, pp. 475–510.
- Hocquet, M., Garrido, C., Dill, L. L., 2017. Berlin beyond the breaks. Living, telling and producing the material of the city. *L'Espace géographique*, 46, 2, pp. 158–173.
- Jańczak, J., 2015. Phantom borders and electoral behavior in Poland historical legacies, political culture and their influence on contemporary politics. *Erdkunde*, 69, 2, pp. 125–137. <https://doi.org/10.3112/erdkunde.2015.02.03>.
- Jasiewicz, K., 2009. “The Past Is Never Dead”: Identity, Class, and Voting Behavior in Contemporary Poland. *East European Politics and Societies*, 23, 4, pp. 491–508.
- Jelen, L., Dostál, P., 2017. Fantomové hranice — historické podmíněnosti politických a socioekonomických rozhraní současné Ukrajiny. *Mezinárodní vztahy*, 3, pp. 70–89.
- Jørgensen, M., Phillips, L., 2008. *Discourse analysis as theory and method*. 2-e izd. Khar'kov: Izd-vo “Gumanitarnyi tseentr”. (In Russian)
- Klomp, J., 2019. The Oder-Neisse Line and Nation-Building in Poland since 1989. Phantom-Like Characteristics of Current Borders. *Südosteuropa*, 67, 3, pp. 347–368.
- Kolosov, V. A., 2018. Phantom Borders in the Post-Soviet Space. *Russian Borderlands: Challenges of Neighborhood*. Moscow: IP Matushkina I. I., pp. 183–200. (In Russian)
- Kolosov, V., 2020. Phantom borders: the role in territorial identity and the impact on society. *Belgeo*, 2, pp. 1–19. <https://doi.org/10.4000/belgeo.38812>
- Lagno, A.R., Mikhailova, O.V., 2020. “Polish-Polish war”: reasons and consequences for the political system. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnyje otnosheniia*, 64, 2, pp. 42–52. (In Russian)
- Lefebvre, A., 2015. *The Production of Space*. Moscow: Strelka Press. (In Russian)
- Low, S., 2024. *Spatializing culture. The Ethnography of Space and Place*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
- Lykoshina, L. S., 2015. *The “Polish–Polish War”: Politics in Contemporary Poland*. Moscow: INION RAN. (In Russian)
- Lykoshina, L. S., 2013. *Donald Tusk: Political Portrait*. Moscow: INION RAN. (In Russian)
- Mattoni, A., 2014. *The Potentials of Grounded Theory in the Study of Social Movements*. In: D. Della Porta, ed., 2014. *Methodological Practices in Social Movement Research*. New York: Oxford University Press, pp. 21–42.

- Miles, M. B., Huberman, A. M., Saldaña, J., 2014. *Qualitative data analysis: a methods sourcebook*. Third edition. Los Angeles; London; New Delhi; Singapore; Washington DC: Sage.
- Mishkova, D., Trencsényi, B., 2017. Introduction. *European Regions and Boundaries: A Conceptual History*. New York: Berghahn Books, pp. 1–12.
- Netrdová, P., Korčák, M., Nosek, V., 2024. Measuring and mapping the existence of phantom borders at a local scale: example of Sudetenland in Czechia. *Journal of Maps*, 20, 1, pp. 1–8. <https://doi.org/10.1080/17445647.2023.2300260>.
- Neumann, I., 2004. *Uses of the Other. The 'East' in European Identity Formation*. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russian)
- Newman, D. 2006. Borders and Bordering: Towards an Interdisciplinary Dialogue. *European Journal of Social Theory*, 9, 2, pp. 171–186.
- Newman, D., 2006. The lines that continue to separate us: borders in our 'borderless' world. *Progress in Human Geography*, 30, 2, pp. 143–161.
- Pattie, C., Johnston, R., 2009. *Electoral Geography*. In: R. Kitchin, N. Thrift, eds., 2009. *International Encyclopedia of Human Geography*. Oxford: Elsevier, pp. 405–422.
- Pospíchal, M., 2017. Polska A, B i C? Volební geografie vybraných polských vojvodství. *Středoevropské politické studie*, 19, 3–4, pp. 264–318. <https://doi.org/10.5817/CEPSR.2017.34.264>
- Sendhardt, B., 2013. *Border Types and Bordering Processes: A Theoretical Approach to the EU/Polish-Ukrainian Border as a Multi-dimensional Phenomenon*. In: A. Lechevalier, J. Wielgohs, eds., 2013. *Borders and Border Regions in Europe: Changes, Challenges and Chances*. Bielefeld: Transcript Verlag, pp. 21–44.
- Šimon, M., 2015. Measuring phantom borders: the case of Czech/Czechoslovakian electoral geography. *Erdkunde*, 69, 2, pp. 139–150. <https://doi.org/10.3112/erdkunde.2015.02.04>.
- Szalkai, G., 2017. Summoning historical phantoms. Invention of memorial sites and reification of territorial identities in the Romanian Carpathians. *L'Espace géographique*, 46, 2, pp. 143–157.
- Tomić, Đ., 2016. *Phantomgrenzen und regionale Autonomie im postsocialistischen Südosteuropa. Die Vojvodina und das Banat im Vergleich*. Göttingen: Wallstein.
- Urbatsch, R., 2017. Long-term effects of ethnic cleansing in the former Polish-German borderlands. *Political Geography*, 58, pp. 56–66. <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2017.01.004>.
- Van Dijk, T. A., 1993. Principles of Critical Discourse Analysis. *Discourse & Society*, 4, 2, pp. 249–283.
- Van Dijk, T. A., 1997. What is Political Discourse Analysis? *Belgian Journal of Linguistics*, 11, 1, pp. 11–52.
- Van Dijk, T. A., 2008. *Discourse and Power*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire; New York: Palgrave Macmillan.
- Von Aldenhoff-Hübinger R., Gousseff C., Serrier T., eds., 2016. *Europa vertikal. Zur Ost-West-Gliederung im 19. und 20. Jahrhundert*. Göttingen: Wallstein.
- Von Hirschhausen, B., 2017. The heuristic interest of the concept of “phantom borders” in the understanding of cultural regionalization, transl. from French by M. Velguth. *L'Espace géographique*, 46, 2, pp. 106–125.

- Von Hirschhausen, B., 2017. The lessons of phantom borders: The vestiges of the past come (also) from the future, transl. from French by N. Bint. *L'Espace géographique*, 46, 2, pp. 97–105.
- Von Hirschhausen, B., 2020. Phantom Borders. *Critical Dictionary on Borders, Cross-Border Cooperation and European Integration*. Bruxelles; Bern; Berlin; New York; Oxford; Wien: Peter Lang, 1, pp. 642–645.
- Von Hirschhausen, B., 2023. *Les provinces du temps: frontières fantômes et expériences de l'histoire*. Paris: CNRS éditions.
- Von Hirschhausen, B., Grandits, H., Kraft, C., Müller, D., Serrier, T., eds., 2015. *Phantomgrenzen. Räume und Akteure in der Zeit neu denken*. Göttingen: Wallstein.
- Von Hirschhausen, B., Grandits, H., Kraft, C., Müller, D., Serrier, T., 2019. Phantom Borders in Eastern Europe. A New Concept for Regional Research. *Slavic Review*, 78, 2, pp. 368–389. <https://doi.org/10.1017/slr.2019.93>
- Von Löwis, S., 2015. Phantom borders in the political geography of East Central Europe: an introduction. *Erdkunde*, 69, 2, pp. 99–109. <https://doi.org/10.3112/erdkunde.2015.02.01>
- Von Löwis, S., 2017. Phantom borders and ambivalent spaces of identification in Ukraine. *L'Espace géographique*, 46, 2, pp. 126–142.
- Von Löwis, S., 2019. *Das Phantom der alten Grenze am Zbruč. Kontinuitäten und Brüche Sozialräumlicher Strukturen in der Westukraine*. Göttingen: Wallstein.
- Von Müller, M. G., Struve, K., eds., 2017. *Fragmentierte Republik? Das Politische Erbe der Teilungszeit in Polen 1918–1939*. Göttingen: Wallstein.
- Von Löwis, S., ed., 2019. *Umstrittene Räume in der Ukraine. Politische Diskurse, literarische Repräsentationen und kartographische Visualisierungen*. Göttingen: Wallstein.
- Wielgosz, Ł., 2019. *Wojna Polsko-Polska: Zarządzanie oligopolem politycznym przez Platformę Obywatelską oraz Prawo i Sprawiedliwość w latach 2001–2015*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.
- Zajc, M., 2019. Contemporary Borders as ‘Phantom Borders’. An Introduction. *Süd-osteuropa*, 67, 3, pp. 297–303.
- Zarycki, T., 1997. *Nowa przestrzeń społeczno-polityczna Polski*. Warszawa: Europejski Instytut Rozwoju Regionalnego i Lokalnego.
- Zarycki, T., 2014. *Ideologies of Eastness in Central and Eastern Europe*. London; New York: Routledge/Taylor & Francis Group
- Zarycki, T., 2015. The electoral geography of Poland: between stable spatial structures and their changing interpretations. *Erdkunde*, 69, 2, pp. 107–124. <https://doi.org/10.3112/erdkunde.2015.02.02>
- Zhurzhenko, T., 2022. Between the ‘Opening to the West’ and the Trauma of Rebordering Towards a Genealogy of Post-Soviet Border Studies. In: B. Eschment, S. Von Löwis, eds., 2022. *Post-Soviet Borders: A Kaleidoscope of Shifting Lives and Lands*. London: Routledge, pp. 32–50.